

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.47.13>**РИТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМПЕРАТИВА «МОЛЧИ» В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ
КАРАМАЗОВЫ»**

Научная статья

Ткаченко О.Ю.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0002-2002-3077;¹ Литературный институт имени А. М. Горького, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (non_ho_paura[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена изучению функций императива «молчи» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и анализу риторических ситуаций его употребления. Установление пар субъектов и объектов императива, изучение риторической интенции говорящего и риторической реакции его собеседника в различных эпизодах позволили сделать вывод о том, что «молчи» в романе часто полифункционально, оно не ограничивается демонстрацией власти гордого героя посредством лишения слова героя смиренного и может становиться средством гармонизации риторического взаимодействия персонажей. Также в статье выделяются два типа изучаемого императива – субъект-объектное «ты-молчи» и субъект-объект-субъектное «я-молчи», описываются их свойства и область риторического употребления. Различение этих двух типов императива актуально не только для романа Ф.М. Достоевского, их изучение может быть продолжено в дальнейшем на ином материале.

Ключевые слова: молчание, риторический анализ, риторическая поэтика, язык Ф.М. Достоевского, я-молчи, ты-молчи.

**THE RHETORICAL SIGNIFICANCE OF THE IMPERATIVE "BE SILENT" IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL
"THE BROTHERS KARAMAZOV"**

Research article

Tkachenko O.Y.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0002-2002-3077;¹ Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (non_ho_paura[at]mail.ru)

Abstract

The article is dedicated to the study of the functions of the imperative "be silent" in F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" and the analysis of rhetorical situations of its use. Establishing pairs of subjects and objects of the imperative, studying the rhetorical intention of the speaker and the rhetorical reaction of his interlocutor in various episodes allowed to conclude that "be silent" in the novel is often polyfunctional, it is not limited to displaying the power of the proud hero by depriving the humble hero of the word and can become a means of harmonizing the rhetorical interaction of characters. The article also distinguishes two types of the studied imperative – subject-object "you-silence" and subject-object-subject "I-silence", describes their traits and the area of rhetorical use. The distinction of these two types of imperative is relevant not only for F.M. Dostoevsky's novel; their study can be continued in the future on other material.

Keywords: silence, rhetorical analysis, rhetorical poetics, language of F.M. Dostoevsky, I-silence, you-silence.

Введение

Тема молчания в творчестве Ф. М. Достоевского вообще и в «Братьях Карамазовых» в частности изучена глубоко и разносторонне. Большая часть исследований молчания в последнем романе писателя посвящена трем лицам темы в тексте: во-первых, молчанию Христа в «Великом Инквизиторе» [11], во-вторых, осознанному предпочтению молчания слову как значимой характерологической особенности ряда персонажей [8], в-третьих, одной из важнейших межтекстовых связей романа – ошибочному цитированию Дмитрием тютчевского стихотворения «Silentium!» [1]. Исследуя эти лики молчания в совокупности, М. Джоунс пришел к выводу о сосуществовании в «глубинной структуре романа» двух видов молчания, первое из которых – разрушительное – может быть определено как «молчание границ, молчание запретов и табу, <...> молчание хаоса, тьмы и небытия», а второе – спасительное молчание – «духовная тишина, исихия, возводящая к несказанному» [3, С. 444].

Если обратиться к молчанию на уровне поверхностных, а не глубинных структур романа, рассмотреть его как вариант ситуативного речевого поведения героев, элемент риторической микроструктуры текста (то есть уровня риторического взаимодействия персонажей в рамках конкретного риторического эпизода), мы обнаружим, что молчание в «Братьях Карамазовых» – не всегда осмысленный выбор и мировоззренческая установка. В тексте, хотя и куда более скромно, представлено вынужденное молчание, молчание-реакция на чужую реплику, навязанное ею, молчание-ответ на запрещение говорить или призыв к безмолвию. Исследуя этот тип молчания в «Кроткой», Т. Р. Копылова определяет его как «вынужденную коммуникативную позицию объекта агрессии, лишённого собственной речи» [7, С. 522] и рассматривает как значимую характеристику и объекта, и субъекта такой агрессии. В «Братьях Карамазовых» ни принуждение к молчанию как риторическая характеристика персонажа-агрессора, ни вынужденное

молчание как значимый эпизод для создания образа персонажа – жертвы агрессии, ни сами ситуации вынужденного молчания подробно на сегодняшний день не изучены.

В этой статье мы сосредоточим внимание на употреблении в «Братьях Карамазовых» императивной единицы «молчи» как простейшей и очевидной формы призыва к молчанию. Интерес к этой единице связан не только с ее бесспорной связью с темой вынужденного молчания, но и как минимум двумя обстоятельствами, о которых следует сказать отдельно.

1. Размышляя о молчании Христа в «Легенде о великом инквизиторе», Э. Н. Угрюмова отмечает: «Слово Христа, если бы оно в данной ситуации прозвучало, обернулось бы принуждением над человеком, призванным сделать свободный религиозный и нравственный выбор. В контексте легенды истина о свободной любви и вере неизреченна, легко выразима лишь идея о принуждении» [11, С. 272]. Полагаем, это утверждение справедливо для всех персонажей романа, осмысленно выбирающих созидательное спасительное молчание и как путь самосознания, и как модель поведения с ближним. Молчание героя, перерождающееся во внутреннее молитвенное слово и олицетворяющее отказ от всякого принуждения, в таком случае, должно быть противопоставлено не многословию (Зосима, Алеша и другие положительные персонажи Достоевского в ключевых эпизодах деятельной любви как раз многословны), но звучащему насильственному принуждению к молчанию, обращающему чужое слово в безмолвие. В этом плане императив «молчи» есть главная антитеза осмысленного молчания, той самой «духовной тишины», о которой пишет М. Джоунс.

2. Именно словоформа «молчи» на лексическом уровне является связующим – устанавливающим межтекстовую связь, реминисценцию [2] – звеном между первой строкой упомянутого «Silentium!» («Молчи, скрывайся и тай...») и его ошибочным цитированием в горячей речи Дмитрия Карамазова («Терпи, смирайся и молчи»). Поэтический рефрен «молчи» Тютчева – единственное из триады «молчи», «скрывайся» и «тай» действие, обращенное не внутрь, а вне, к другому, видимое для другого, – был воспринят персонажем как эпитафия к собственному зарождающемуся мировоззрению. «В этом «Терпи, смирайся и молчи» на первый план выдвигаются терпение и смирение, главные добродетели христианской души. И молчание здесь не «гордое», не такое, как у Тютчева («Лишь жить в себе самом умей», «Любуйся ими – и молчи» и т.п.), а именно смиренное: «молчи», не обвиняй людей за их непонимание, они несовершенны так же, как и ты сам, и все же попытайся пробиться к их сердцу», – анализирует неслучайную ошибку в Митином цитировании А. Г. Гачева, отмечая, что эта строка становится своего рода предвестником перерождения героя, скорого сна про дите и крестного пути, вынести который «можно лишь терпением, смирением и любовью» [1, С. 21].

Однако еще в процессе первичного сбора материала – выделения в тексте словоформы «молчи» – мы обратили внимание на то, что в речи Мити этот императив употребляется не только при обращении к себе, но и в качестве ограничения речи другого (из всех персонажей романа большую частотность словоформа обнаруживает только в речи Грушеньки). Напрашивается вопрос: как уживаются в душе героя нарождающееся смирение, избегающее обвинения другого и суда над ним, с регулярным лишением собеседника слова, предварительно оцененным выше как акт речевой агрессии? В поиске ответов на этот и другие вопросы, связанные с коммуникативной интенцией просьбы или приказа молчать, проанализируем риторические ситуации употребления персонажами императива «молчи» и функционально близких форм.

Основные результаты

Всего в тексте «Братьев Карамазовых» мы обнаружили 36 употреблений императивной формы «молчи». Из функционально близких отметим формы «молчите» (4 употребления, из них 1 обращение по множественному числу, 3 – уважительная форма обращения к одному лицу) и категорический императив «Молчать!» (2 употребления). Заметим, что глагол «молчать» интересует нас только в прямом значении («Ничего не говорить, не издавать звуков голосом»), поэтому за пределами нашего внимания оказалась реплика Смердякова, обращенная к Ивану: «А по-моему, лучше молчите-с. Ибо что можете вы на меня объявить в моей совершенной невинности и кто вам поверит?» [4, Т. 15, С. 54], где значение интересующего нас глагола иное – «хранить в тайне, не рассказывать». Проанализируем эпизоды с употреблением выделенных единиц как риторические события, обращая внимание на значимые характеристики этих событий: субъект и объект высказывания, риторическую интенцию и реакцию.

2.1. Субъект и объект высказывания

Из 36 романских «молчи» 14 встречаются в речи Грушеньки, 13 – Дмитрия, им же принадлежит по одному категорически императивному «молчать», Грушенька употребляет также форму «молчите» по отношению к двум лицам одновременно, и это единственное полиобъектное употребление данной формы в романе. Также относительно частотен интересующий нас императив в речи Ивана – 6 употреблений. По одному разу произносят «молчи» Великий инквизитор (Христу), Григорий (жене) и Красоткин (Илюше). Уважительное «молчите» дважды повторяет в одной реплике Лиза Алеше и один раз произносит сам Алеша – Красоткину.

Отметим, что высокая частотность интересующей нас формы в речи Грушеньки, Дмитрия и Ивана в значительной степени связана с ее многократным повторением одному собеседнику в рамках одного диалога или даже одной реплики. Так, Грушенька дважды в пределах реплики произносит «молчи» Калганову и целых 10 раз в пределах одного диалога Ракину. «Молчи» Дмитрия трижды направлено на самого себя, 9 раз обращено к Алеше. Из 6 «молчи» Ивана 5 обращены к черту.

Объектом запрета на речь чаще других персонажей становится Алеша (13 раз), и в данном случае дело не только в повторах: Алеше произносят «молчи» или «молчите» все центральные персонажи романа, которые в принципе произносят эти императивы, – Дмитрий, Иван, Груша, Лиза. Из них объектом чужого «молчи» становится только Дмитрий, он слышит его от Грушеньки.

2.2. Риторическая интенция

При всех (весьма значимых) различиях целей пресечения или недопущения речи другого персонажами «Братьев Карамазовых», большинство употреблений императива «молчи» можно однозначно отнести к одной из двух групп,

которые мы в дальнейшем будем называть «ты-молчи» и «я-молчи». Под «ты-молчи» мы будем понимать такое «молчи», которое направлено на прерывание (или недопущение) речи другого именно ради отсутствия слова другого, то есть оно произносится потому, что слово другого, по мнению говорящего, звучать не должно. Это «молчи» на неправильное, неуместное, ненужное, вредоносное слово, «молчи» субъект-объектное, укладывающееся в формулу «я велю тебе молчать, потому что ты... (неправ / лжешь / говоришь не то, что нужно, и т. д.)», «молчи» – выражение негативного отношения к чужому слову и – часто – демонстрация власти (см. риторическое понимание власти как права на речь [9]). Таково, например, «молчи» Григория, обращенное к жене в ответ на ее «неверное» слово: «Жена его <...> ужасно приставала к нему, например, тотчас после освобождения крестьян, уйти от Федора Павловича в Москву <...>; но Григорий решил тогда же и раз навсегда, что баба врёт, «потому что всякая баба бесчестна», но что уходить им от прежнего господина не следует, каков бы он там сам ни был, «потому что это ихний таперича долг».

– Ты понимаешь ли что есть долг? – обратился он к Марфе Игнатьевне.

– Про долг я понимаю, Григорий Васильевич, но какой нам тут долг, чтобы нам здесь оставаться, того ничего не пойму, – ответила твердо Марфа Игнатьевна.

– И не понимай, а оно так будет. Впредь молчи» [4, Т. 14, С. 86] (здесь и далее в цитатах курсив мой – О. Т.).

«Я-молчи», в свою очередь, также звучит для прерывания или недопущения слова другого, но не потому, что его слово недостойно прозвучать, с точки зрения произносящего «молчи», а потому, что оно ему неудобно, неприятно или болезненно. Это не «молчи»-приказ, а «молчи»-просьба (иногда мольба), демонстрация не власти над чужим словом, а бессилия перед ним. Если «ты-молчи» мы назвали субъект-объектным, «я-молчи» субъект-объект-субъектно, оно предполагает понимание субъекта, что чужое слово не правдо, а неуютно или неудобно ему лично; это уже не «я велю тебе молчать, потому что ты...», а «я прошу тебя молчать, потому что я...». Таково, например, многократное суетное повторение Митей «молчи» Алеше в «исповеди горячего сердца», призванное не ограничить слово Алеши, а освободить пространство для слова Мити. Таково же «молчите» Лизы: «Молчите, молчите. Алексей Федорович, потому что я столько хочу сказать, что, кажется, так ничего и не скажу» [4, Т. 15, С. 14]. Особый случай «я-молчи» встречается в диалоге Мити с Трифоном Борисовичем, где Митя не просит пространства своему слову, а торопит нужное ему слово собеседника: «Стой, молчи, Трифон Борисыч, говори теперь самое главное: что она, как она?» [4, Т. 14, С. 374]. Интересно, что реального прерывания слова этот пример не содержит: предшествующая ему реплика Трифона закончена содержательно.

Разница между «ты-молчи» и «я-молчи» отчетливо видна в восклицании Грушеньки, обращенном к Алеше и Ракитину: «Стой, Ракитка! — вскочила вдруг Грушенька, — молчите вы оба. Теперь я всё скажу: ты, Алеша, молчи, потому что от твоих таких слов меня стыд берет, потому что я злая, а не добрая, — вот я какая. А ты, Ракитка, молчи потому, что ты лжешь» [4, Т. 14, С. 318]. Единственное полиобъектное романное «молчите» оказывается, таким образом, неоднородным, подчеркнута разделяется надвое – «я-молчи», обращенное к Алеше, звучащее как «молчи, потому что я недостойна твоих добрых слов», и «ты-молчи» к Ракитину, равное «молчи, потому что твои слова недостойны меня». Отметим, что «я-молчи» (и в этом примере, и в целом) устроено сложнее, чем «ты-молчи». Цель «ты-молчи» (итоговая или промежуточная) состоит в прекращении речи собеседника, то есть такое «молчи» равно своему словарному значению, цели «я-молчи» часто неоднозначны, многослойны. В приведенном примере «я-молчи» – это и просьба о пощаде, мольба не произносить слов, которые заставляют героиню чувствовать себя виноватой («молчи, потому что от твоих таких слов меня стыд берет»), и признание собственной вины («потому что я злая, а не добрая, — вот я какая»). «Ты-молчи» – это всегда ожидание безмолвия, оно заканчивается (достигает цели) с замолканием собеседника; «я-молчи» часто открывает дорогу новому слову – самоанализу, признанию, исповеди, оно не герметично.

Впрочем, при кажущейся простоте «ты-молчи» оно не всегда подразумевает отрицательную риторическую интенцию говорящего (демонстрация власти, лишение другого права на речь и др.). Как мы отметили ранее, безмолвие собеседника может быть лишь промежуточной целью «ты-молчи». Приведем три примера.

Алеша, герой, от которого менее всего можно ожидать демонстрации власти над кем-либо, пресекает дерзкие выпады Красоткина в сторону доктора: «Коля, молчите! – крикнул он Красоткину. – Не надо обращать внимания, доктор». Субъект-объектная направленность «молчи» в данном случае очевидна, однако замолкание Красоткина – цель промежуточная, основные же – уберечь несдержанного мальчишку от гнева доктора («Выс-сечь, выс-сечь надо, выс-сечь! – затопал было ногами слишком уже почемучу-то взбесившийся доктор» [4, Т. 14, С. 506]) и остановить неуместную у постели больного ссору.

Сам Красоткин чуть далее по тексту перебивает трогательную речь Илюши к отцу, в которой мальчик говорит о своей скорой смерти: «Молчи, старик, выздоровеешь! – точно осердившись, крикнул вдруг Красоткин» [4, Т. 14, С. 507]. По форме перед нами явное «ты-молчи» – обрывание неверного слова (Илюша говорит, что умрет, Красоткин оспаривает), однако подлинная цель этого «молчи» не исчерпывается субъект-объектным прерыванием речи. Для читателя очевидно, что Красоткин «осердился» вовсе не на Илюшу и его неверное слово, а на саму неизбежность смерти друга, этим словом названную. Своим «молчи» он пытается уберечь себя, Илюшу, его отца, всех присутствующих от этой неизбежности, оспорить ее, перебить, заглушить («выздоровеешь»). Иначе говоря, «ты-молчи» здесь, как и в прошлом примере, не разрушительно, а созидательно: подлинная риторическая интенция, конечная цель этих «молчи» – забота. Не случайно оба они, хотя и произнесены резко и эмоционально (Алеша кричит, Красоткин сердится), сопровождаются деинтенсификаторами отрицательной окраски фразы: Алеша обращается к Красоткину по имени и на «вы» (ср.: «Молчи!» / «Коля, молчите!»), Красоткин использует теплое дружеское обращение «старик».

В другом эпизоде Грушенька перебивает сначала Врублевского, нападающего на Митю, затем самого Митю:

«– Молчать! Не ссориться! Чтобы не было ссор! – крикнула повелительно Грушенька и стукнула ножкой об пол. Лицо ее загорелось, глаза засверкали. <...>

– Панове, простите! это я виноват, я не буду. Врублевский, пан Врублевский, я не буду!..

– Да *молчи хоть ты-то*, садись, экой глупый! – со злобною досадою огрызнулась на него Грушенька» [4, Т. 14, С. 383].

Категорическое «молчать» здесь – чистая демонстрация власти, «повелительное» прерывание слова Врублевского, в то время как «ты-молчи» к Дмитрию с деинтенсификаторами «хоть ты-то», «экой глупый» – досада не на него самого, а на его извинение перед обидчиком. Таким образом, оба императива, хотя и по-разному, выражают заботу о Мите, стремление не дать его в обиду ни Врублевскому, ни самому себе.

Особый интерес с точки зрения риторической интенции представляют императивы безмолвия, адресованные и без того молчащим собеседникам. Самым известным из них открывается монолог инквизитора: «Это ты? ты? — Но, не получая ответа, быстро прибавляет: — Не отвечай, *молчи*. Да и что бы ты мог сказать? Я слишком знаю, что ты скажешь. Да ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано тобой прежде. Зачем же ты пришел нам мешать?» На первый взгляд «молчи» инквизитора кажется субъект-объектным (молчи, потому что сказать тебе нечего, потому что ты не имеешь права говорить). Однако уже в четвертой фразе инквизитора появляется «я»: молчи, потому что я знаю и без тебя, потому что говорить должен я. Ещё через одну фразу это «я» подхватывается вопросом «Зачем же ты пришел нам мешать?», в котором акцент явно смещён с «ты» на «мы» (ты не нужен, потому что есть мы, как слово твое не нужно, потому что есть наше), а позднее – пояснением Ивана: «Тут дело в том только, что старуку надо высказаться, что наконец за все девяносто лет он высказывается и говорит вслух то, о чем все девяносто лет молчал» [4, Т. 14, С. 228]. Таким образом, речь инквизитора, начинающаяся призывом к молчанию и буквально вырастающая из него как развернутое объяснение запрета на слово Христа, на самом деле мыслится и инквизитором, и его создателем Иваном как разрешение на собственное слово, прерывание своего молчания («я-молчи»), а не чужой речи («ты-молчи»).

Требования молчания от молчащего собеседника встречаются и в речи Дмитрия и Грушеньки, причем в тех эпизодах, где «молчи» повторяется многократно в рамках одной реплики или диалога. Логически такой повтор избыточен: услышав «молчи» единожды, его адресат волен либо подчиниться приказу и замолчать, либо отвергнуть его и продолжить речь. Тем не менее герои многократно повторяют императив: «Но молчи, пока молчи. Не жалеи и не плачь!», [4, Т. 14, С. 97] «Молчи, Алеша, молчи, милый, хочется мне ручку твою поцеловать, так, из умиления» [4, Т. 14, С. 101] (Дмитрий – Алеше), «А теперь молчи, Ракитка, теперь все, что буду говорить, не для твоих ушей будет. Садись сюда в угол и молчи, не любишь ты нас, и молчи» [4, Т. 14, С. 319] (Груша – Ракитину), «Молчи, мальчик! <...> Молчи, хорошенький мальчик, конфетку кушай» [4, Т. 14, С. 398] (Груша – Калганову). Такого рода повторы выходят за пределы риторической задачи воздействия на собеседника, они превращаются в свойственные языку Достоевского повторяемые формулы [10], идиоматически расширяющие свое значение, за счет повтора приобретающие смысловую многослойность: «молчи, Алеша», «молчи, мальчик», «молчи, Ракитка». Этими формулами герои утверждают свое право на речь: Дмитрий в субъект-объект-субъектном «я»-модусе, прося возможности исповедального слова у Алешы, Груша в субъект-объектном «ты»-модусе, отрицая право на существование слова собеседника и в то же время переходя к слову о себе, надрывному, но также не лишенному исповедальности, самоанализа, самооправдания: «Молчи, Ракитка, не тебе меня судить, не тебе говорила. Я теперь до вашего прихода лежала здесь, ждала, думала, судьбу мою всю разрешала, и никогда вам не узнать, что у меня в сердце было» [4, Т. 14, С. 321].

Таким образом, запрет на речь как таковой, пресечение слова другого исключительно ради его безмолвия в «Братьях Карамазовых» (например, в диалоге Григория с женой или – да и то с некоторой оговоркой – многократном «молчи» Ивана, обращенном к своему альтер эго, черту) встречается относительно редко, соседствуя с многомерным, полифункциональным «молчи». При этом риторическая интенция как «я-молчи», так и «ты-молчи» может быть положительной, обнаруживать признаки гармонизации, а не деструктивности.

2.3. Риторическая реакция

Насколько субъектам «молчи» в «Братьях Карамазовых» несвойственно использовать императив в ожидаемой функции пресечения чужого слова, настолько же объектам «молчи» несвойственно подчиняться императиву. Из перечисленных ранее объектов императива прерывают речь, услышав его, Алеша (после «ты-молчи» Ивана замолкают оба брата); по всей видимости, Марфа Игнатьевна, подчиняющаяся мужу «безропотно и безответно»; Дмитрий, готовый выполнить любой приказ Грушеньки; и Калганов, дальнейшие высказывания которого после монолога Грушеньки были бы бессмысленными. Остальные объекты либо продолжают молчать и слушать, как молчали и слушали ранее (слушание Христа и Алешы в таких сценах можно определить как эмпатическое, характеризующееся «гармонизацией чувств и эмоций» [6, С. 204]), либо продолжают говорить, игнорируя «молчи» (Илюша, Красоткин), либо продолжают говорить назло и подчеркивают это (Ракитин, черт).

Особенно интересен в плане неподчинения императиву диалог Ивана с чертом, где настойчивое, все более агрессивное с каждым повтором «молчи» Ивана не игнорируется, а с нарастающей едкой издевкой высмеивается его собеседником:

«— Молчи про Алешу! Как ты смеешь, лакей! — опять засмеялся Иван.

— Бранишься, а сам смеешься — хороший знак. Ты, впрочем, сегодня гораздо со мной любезнее, чем в прошлый раз, и я понимаю отчего: это великое решение...

— Молчи про решение! — свирепо вскричал Иван.

— Понимаю, понимаю, c'est noble, c'est charmant, ты идешь защищать завтра брата и приносишь себя в жертву... c'est chevaleresque.

— Молчи, я тебе пинков надаю!

— Отчасти буду рад, ибо тогда моя цель достигнута: коли пинки, значит, веришь в мой реализм, потому что призраку не дают пинков.

<...>

— Молчи, или я убью тебя!

— Это меня-то убьешь? Нет, уж извини, выскажу. Я и пришел, чтоб угостить себя этим удовольствием» [4, Т. 15, С. 73–83].

Черт потешается над настойчивым «молчи» Ивана, поскольку оно (как и пинки, и летящий в «кошмар» стакан) само по себе является доказательством того, что Иван верит в «реализм» черта, а значит, в свою причастность к смерти отца. Это безнадежное, аффективное «молчи» есть часть того самого удовольствия, которым желал «угостить себя» черт. В этом поединке агрессивного принуждения к молчанию и столь же агрессивного и принципиального отказа от него Иван проигрывает: «Иван сидел, зажав себе уши руками и смотря в землю, но начал дрожать всем телом. Голос продолжал» [4, Т. 15, С. 83]. Замолкает в итоге не черт, а Иван (единственный из персонажей, наделенный в романе исключительно деструктивным «ты-молчи»): не сумев лишить голоса другого, он в исступлении пытается лишить себя слуха. Но голос все равно продолжает звучать, обращаясь символом бытия черта, онтологического присутствия зла, подобно тому как Христово молчание в «Легенде» служит символом онтологического присутствия добра, существования истинной любви.

Заключение

Как использование императива «молчи», так и реакция на него в «Братьях Карамазовых» являются значимыми для создания образов героев деталями их риторического поведения, определяют отношение героев к своему и чужому слову. «Молчи» в романе не всегда (и даже не часто) является маркером чистой демонстрации власти, отрицанием права на речь другого, риторическим подавлением, выполняет исключительно функцию антитезы осознанного смиренного молчания-слушания. При этом важно, что такое властное «ты-молчи» (в своих немногочисленных употреблениях) достигает цели лишь с кроткими, любящими, подчиняющимися собеседниками (Алеша в разговоре с Иваном, Дмитрий с Грушенькой, Марфа Игнатьевна с Григорием), с гордыми же или игнорируется (Грушенька – Ракитин), или обращается поражением и замолканием субъекта «молчи» (Иван – черт). Иначе говоря, властное «ты-молчи» само по себе оказывается бессильным, его успех определяется не гордостью адресанта, а смирением адресата.

Иные варианты «молчи» в романе устроены сложнее и характеризуются множественностью порой неожиданных риторических функций. Например, как субъект-объект-субъектное «я-молчи», так и субъект-объектное «ты-молчи» могут выполнять роль средства гармонизации. Однако и в этом случае успех императива определяется не убедительностью слова, а любящим терпением молчания: только «я-молчи», обращенное к положительному молчащему герою, всегда достигает своей цели и открывает путь надрывно-исповедальному слову героя, терзаемого страстями.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Гачева А. Г. "Silentium" Ф. И. Тютчева в художественном мире Ф. М. Достоевского / А. Г. Гачева // Русская речь. — 2001. — № 5. — с. 14–25.
2. Горшков А. И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности / А. И. Горшков — Москва: Литературный институт им. А. М. Горького, 2008. — 544 с.
3. Джоунс М. Молчание в «Братьях Карамазовых» / М. Джоунс // Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. — Москва: Наука, 2007. — с. 435–445.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т.; / Ф. М. Достоевский — Ленинград: Наука, 2007.
5. Касаткина Т. А. «Ошибка героя» как прием / Т. А. Касаткина // Вопросы литературы. — 2015. — 5. — с. 159–182.
6. Копылова Т. Р. Молчание в структуре слушания как вида речевой деятельности (на материале русского конструктивного речевого поведения) / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. — 2020. — Т. 30. — № 2. — с. 204–211.
7. Копылова Т. Р. Опустошенное молчание в структуре русского речевого поведения (на материале произведений Фёдора Достоевского и Леонида Андреева) / Т. Р. Копылова // Русистика и современность. Старые вопросы, новые ответы; — 2017. — с. 521–530.
8. Криницын А. Б. Полифония молчащих: специфика философского дискурса Ф.М. Достоевского / А. Б. Криницын // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2021. — Т. 26. — № 3. — с. 375–391.
9. Михальская А. К. Сравнительно-историческая риторика / А. К. Михальская — Москва: Форум: ИНФРА-М, 2013. — 318 с.
10. Ткаченко О. Ю. «И пойду! И пойду!»: словесный ряд движения в «Сне смешного человека» Ф. М. Достоевского / О. Ю. Ткаченко // Язык как материал словесности: XXV научные чтения, Москва, 22 октября 2022 года; — Казань: Бук, 2022. — с. 187–196.

11. Угрюмова Э.Н. О молчании Христа в Легенде о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского / Э.Н. Угрюмова // Вестник Башкирского университета. — 2012. — Т. 17. — № 1. — с. 271–272.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gacheva A. G. "Silentium" F. I. Tjutcheva v hudozhestvennom mire F. M. Dostoevskogo ["Silentium" by F. I. Tyutchev in the Artistic World of F. M. Dostoevsky] / A. G. Gacheva // Russian Speech. — 2001. — № 5. — p. 14–25. [in Russian]
2. Gorshkov A. I. Russkaja stilistika i stilicheskij analiz proizvedenij slovesnosti [Russian Stylistics and Stylistic Analysis of Literary Works] / A. I. Gorshkov — Moscow: Literary Institute named after A. M. Gorky, 2008. — 544 p. [in Russian]
3. Dzhouns M. Molchanie v «Brat'jah Karamazovyh» [Silence in The Brothers Karamazov] / M. Dzhouns // Roman F.M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»: sovremennoe sostoyanie izucheniya [Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov": Current State of Research]. — Moscow: Nauka, 2007. — p. 435–445. [in Russian]
4. Dostoevskij F. M.. Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works] in 30 vol.; / F. M. Dostoevskij — Leningrad: Nauka, 2007. [in Russian]
5. Kasatkina T. A. «Oshibka geroja» kak priem [The Hero's Mistake" as a Special Device in Dostoevsky's Works] / T. A. Kasatkina // Questions of Literature. — 2015. — 5. — p. 159–182. [in Russian]
6. Kopylova T. R. Molchanie v strukture slushaniya kak vida rechevoj dejatel'nosti (na materiale russkogo konstruktivnogo rechevogo povedenija) [Silence in the Structure of Listening as a Type of Speech Activity (on the material of constructive speech behavior)] / T. R. Kopylova // Bulletin of Udmurt University Series History and Philology. — 2020. — Vol. 30. — № 2. — p. 204–211. [in Russian]
7. Kopylova T. R. Opustoshennoe molchanie v strukture russkogo rechevogo povedenija (na materiale proizvedenij Fedora Dostoevskogo i Leonida Andreeva) [Silence Expressing Devastation in the Structure of Russian Speech Behavior (based on the works of Fyodor Dostoevsky and Leonid Andreev)] / T. R. Kopylova // Russian Studies and Modernity. Old Questions, New Answers; — 2017. — p. 521–530. [in Russian]
8. Krinitsyn A. B. Polifonija molchaschih: spetsifika filosofskogo diskursa F.M. Dostoevskogo [The Polyphony of the Silent: the Specifics of Dostoevsky's Philosophical Discourse] / A. B. Krinitsyn // PFUR Journal of Studies in Literature and Journalism. — 2021. — Vol. 26. — № 3. — p. 375–391. [in Russian]
9. Mihal'skaja A. K. Sravnitel'no-istoricheskaja ritorika [Comparative-historical Rhetoric] / A. K. Mihal'skaja — Moskva: Forum: INFRA-M, 2013. — 318 p. [in Russian]
10. Tkachenko O. Ju. «I pojdu! I pojdu!»: slovesnyj rjad dvizhenija v «Sne smeshnogo cheloveka» F. M. Dostoevskogo [«And I Shall Go On and On!»: the Word Sequence of Motion in «The Dream of a Ridiculous Man» by F. M. Dostoevsky] / O. Ju. Tkachenko // YAzyk kak material slovesnosti [Language as the Material of Literature]: XXV Scientific Readings, Moscow, October 22, 2022; — Kazan: Buk, 2022. — p. 187–196. [in Russian]
11. Ugrjumova E.N. O molchani Hrista v Legende o Velikom Inkvizitore F. M. Dostoevskogo [On the Silence of Christ in the Legend of the Grand Inquisitor by F. M. Dostoevsky] / E.N. Ugrjumova // Bulletin of Bashkir University. — 2012. — Vol. 17. — № 1. — p. 271–272. [in Russian]